

Попытки “европеизации” русской монетной системы при Павле I

Валерий ШИШАНОВ



Заместитель директора по научной работе Витебского областного краеведческого музея

Преобразования в финансовой сфере были одним из важнейших направлений в бурной реформаторской деятельности императора России Павла I. В первые же дни правления императора на заседаниях Государственного совета 10, 13 и 17 ноября 1796 г. обсуждался вопрос о целесообразности задуманного при Екатерине II передела медной монеты. Граф Александр Андреевич Безбородко высказал мнение, что “вообще возвращение всякой монеты в ее истинную и должную цену и доброту и удержание ее в сем достоинстве непременно и скоро подействует как над исправлением казенного кредита, так и над возвышением курса” [1, стб. 23]. В итоге медная монета сохранила свой вес и появились проекты чеканки серебряных и золотых монет, аналогичные лучшим европейским образцам.

“Банковая монета” 1796 г. и последовавшая за ней чеканка тяжелой серебряной монеты 1797 г. и ефимков 1798 г. не обделены вниманием нумизматов.

Автор “Обозрения русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен” (1837 г.) Станислав Шодуар причиной появления новых монет называет желание Павла I “установить в государстве усовершенствованную монетную систему и возвысить ценность рубля и его делимых частей до того, как была она в начале царствования Петра I” и далее: “...в 1798 г. предполагалось сделать

ефимки в $54\frac{3}{4}$ стюверов¹ для оборота внешней торговли, но они не пошли в ход и ограничились только 3 пробными клеймами для опыта” [24, с. 183, 184].

Павел Винклер ограничивается кратким изложением истории появления монет и их описанием. Исходя из заявленной “цены” ефимка 1798 г. ($54\frac{3}{4}$ штивера), Винклер приравнивает его то к 1,5 рубля, то к мальтийскому скуди и высказывает предположение, что эти монеты “предназначались для платежей по этому ордену” [4, с. 31, 32, 36—38].

Более глубоко попытался вскрыть причины чеканки Ф. Гейтц. Он отмечал, что “признание альбертова талера типичным и желание создать замену ему, заставляет Павла I выпустить свой ефимок, чеканенный по альбертовой стопе”. Появление на монете обозначения номинала “ефимок”, по мнению автора, прямо указывает на желание “заменить и заставить забыть” иностранную монету. Причиной неудачи операции называется неустойчивость курса талера в конце XVIII в. [5, с. 28—41].

В контексте финансовых реформ и преобразований монетного дела указанные монеты рассматриваются в работах И.Г. Спасского [18, с. 151], В.Т. Корецкого [8, с. 71—75], А.И. Юхта [25, с. 223—226], Р. Зандера [7, с. 113—122]. Детально рассматриваются обстоятельства и особенности чеканки ефимка 1798 г. в статьях В.В. Узденикова [19, с. 356—358; 20, с. 348—354].

Основной комплекс используемых исследователями источников опубликован в Корпусе русских монет вел. кн. Георгия Михайловича [6], однако материалы, выявленные в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), во многом уточняют и дополняют сложившиеся представления об интересующих нас монетах.

Первые упоминания о чеканке “банковой монеты” встречаются в посланиях фаворита Павла I князя Алексея Борисовича Куракина к генерал-прокурору графу Александру Николаевичу Самойлову [6, с. 4] и правлению Ассигнационного банка [13, л. 5об.], датированных 25 ноября 1796 г. В них чеканка “банковой монеты” связывается с реализацией прав названного банка по манифесту об учреждении Государственного заемного банка (1786 г.) [11, т. 22, № 16407] и планом “преобразования ассигнаций в истинную монету” [21, с. 221—228; 22, с. 2—11]. К посланиям прикладывались рисунки золотых и серебряных монет без указания номинала.

¹ Стювер (штивер) — $\frac{1}{20}$ гульдена, нидерландская низкопробная серебряная, а впоследствии — медная монета.

Надо отметить, что на Ассигнационный банк, а позже на так называемую Особую экспедицию по хозяйственным оборотам возлагались большие надежды на осуществление международных финансовых и торговых операций и кредитование торговли. Эти планы не удалось осуществить, но полученный опыт был использован для реформирования финансовых учреждений в начале XIX в. [23, с. 222—229].

2 декабря 1796 г. появляется указ на имя главного директора Ассигнационного банка князя А.Б. Куракина о “битии золотой банковской монеты из металла, оному банку принадлежащего”: “Князь Алексей Борисович! Уважая причины в поднесенном Нам докладе вами изъясненные, повелеваем производить битье золотой банковской монеты из металла, Нашему Ассигнационному Банку принадлежащего, полагая в оную золото достоинством в 94 золотника и две трети” [11, т. 24, № 17603].

Однако в “Собрании материалов по истории финансов в России” (ф. 484, оп. 364а) в Отделе рукописей РНБ сохранилась недатированная копия документа, озаглавленного: “Манифест о новой банковской монете, которого до особого повеления выпускать не велено” [10, л. 572, 573], но судя по содержанию, это, вероятно, записка А.Б. Куракина, поданная императору: “В правилах Государственному ассигнационному банку данных предписано выписывать из чужих краев золото и серебро, как в слитках, так и в монете иностранной и бить деньги золотые и серебряные.

В капитале банков состоят немалые суммы от банковых медных заводов приобретенные, оставшие от разных строений ведомству банка принадлежащие и определенные на платеж ассигнационных листов и на не предвиденные случаи, вообще более 1 млн. 500 000 руб.

Ныне здесь червонец голландский из четырех рублей сорока пяти копеек ценою упал в три рубля девяносто пять копеек, а в Риге и Гамбурге должен быть еще дешевле. Столь низкая монеты сей цена представляет удобный теперь способ, покупая червонцы здесь и выписывая их из Гамбурга на капитал ассигнациями в банке состоящий, преобразить бумажную монету в золотую. А посему главный директор Государственного ассигнационного банка и осмеливается всеподданнейше представить, не благоугодно ли будет дозволить к операции сей приступить, на что учреждена уже особая при правлении Государственного ассигнационного банка экспедиция.

Монету сию для сохранения ее достоинства и равновесия относительно курса дозволить бить червонцами империи всероссийской, отвечающими во всем достоинству червонцев голландских [карандашом добавлено — “и обратить их в товар”; на полях карандашом — “Подпись на монетину “не нам не нам, а имени твоему”, на другой стороне — герб империи вместо изображения его (то есть Павла I. — В. Ш.)”].

Таковым дозволением привести в действие операцию особенно осчастливлен будет главный директор Ассигнационного банка (А.Б. Куракин. — В. Ш.), ибо будет первый, который пустит в хождение золотую монету царствования все милостивейшего своего императора и благодетеля.

Ежегодно поступаемая прибыль от медных банковых заводов, и план, который вскоре главный директор величайшему воззрению представить осмелится, по-



“Альбертов талер” (“патагон”), Антверпен, 1619 г.



Дукат, Голландия, 1783 г.



Серебряный дукат, Нидерланды, Утрехт, 1784 г.



Альбертусталер, Бранденбург — Пруссия, 1797 г.



Рубль (“банковский”), Россия, 1796 г.



Кроненталер, Австрийские Нидерланды, 1793 г.



Рубль, Россия, 1797 г.



Червонец, Россия, 1797 г.



Пробные экземпляры ефимков, Россия, 1798 г.

степенно умножит способы к действительному преобразованию бумажной монеты в монету золотую и серебряную и, конечно, в непродолжительном времени уважительно уменьшит ажио между сих монет и ассигнаций.

Могущий от покупки червонцев и металла выиграть убыток от неустойчивости курса, капиталу банковому никакого вреда не учинит: ибо одна прибыльная сумма на оное употребляться должна².

Исходя из упоминания об учреждении “особой экспедиции” — Конторы по закупке металлов (24 января 1797 г.) [11, т. 24, № 17795; 15, л. 123], — документ можно датировать концом января — февралем 1797 г. Заметим, речь идет только о выпуске золотой монеты.

Далее за документом в деле следует “Проект банковской серебряной монеты” и “Проект банковской золотой монеты” [10, л. 574, 575]. На рисунках на аверсе монет указана дата “1796”, обозначение номинала отсутствует, под изображением государственного герба буквы “Б.М.”, на реверсе — надпись “Не нам/ не нам/ а имени твоему”² в четырехугольной рамке с “узорами” по периметру. Указывается, что “достоинство” серебряной монеты “сей во всем должно отвечать голландскому талеру по положению своему пробую 83 ¹/₃ золотника, весом 6 ⁶/₇ золотников”, золотой — “в 94 ²/₃ золотника, весом 78 ¹/₂ доли”.

Подготовка выпуска банковской монеты шла параллельно с подготовкой чеканки общегосударственной монеты. А.Б. Куракин в письме Андрею Андреевичу Нартову [6, с. 5] (на тот момент президенту Берг-коллегии) 8 декабря 1796 г. сообщал, что по его представлению император повелел, чтобы “государственная рублевая монета в весе и достоинстве своем была против ефимка, разделяясь с сим достоинством на мелкие монеты, половину, четверть рубля, десяти- и пятикопеечную с точным весом в каждой противу её цены”. На крупной серебряной монете с одной стороны должен был быть портрет императора, а на другой — московский герб с “надписью цены и года”. Однако 14 декабря того же года были утверждены другие рисунки червонца, рубля, полтины и полуполтинника [12, л. 113]. Портрет императора был заменен расположенными в виде креста четырьмя коронованными буквами “П” с цифрой I посередине, а московский герб сменило изображение, аналогичное помещенному на банковской монете, — в рамке надпись “Не нам/ не нам/ а имени твоему”. Чеканка монет началась по манифесту 20 января 1797 г., в котором повелевалось “бить монету превосходнейшую, а именно восемьдесят третьей с одной третью пробы, содержащую в рубле внутреннего достоинства пятьдесят штиверов с долями и соразмерно тому и прочия мелкия серебряные деньги” [11, т. 24, № 17748].

Общие принципы проведения “операции преобразования ассигнаций в монету” были изложены главным директором Берг-коллегии Михаилом Федоровичем Соймоновым в Примечании на серебряную монету, представленном 10 января 1797 г. на заседании Государственного Совета [1, стб. 42—46]. Предлагаемые меры преследовали цель не только улучшить пробу и увеличить содержание серебра в монете, но и постепенно сократить количество бумажных денег. Изъ-

² Полный текст: “Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей” (Псалтырь, книга 5, псалом 113, стих 9).

ятие старой монеты предполагалось производить как путем обмена на серебро по курсу 140 коп. старой монетой за один новый рубль, так и путем выкупа за ассигнации — “чтоб прежнюю серебряную монету выменять в казну, выдавая за оную ассигнациями с ажио, какой по курсу состоять будет, а потом, обращая сию вымененную монету в новую, выпустить ее из казны тоже с ажио”. По мнению М.Ф. Соймонова, вымененные на новую монету ассигнации могли “истребляться”. Совет высказался в поддержку операции и постановил отпускать на ее проведение ежегодно по 3 млн. руб. и “некоторые суммы” из Заемного банка.

Конечно, подобная реформа могла быть успешной только при значительных запасах серебра, стабильности курса, хорошем экономическом положении государства. Напряженная внешнеполитическая ситуация и финансовые трудности вряд ли оставляли реформаторам шанс. Не было уверенности и у автора “Примечания...”, оговаривавшего, что “в случае же неуспешности онаго способа, назначить для сего со стороны казны производимого обмена срок” [1, стб. 40].

М.Ф. Соймонов 29 января 1797 г. представил Совету “Табель иностранным золотым и серебряным монетам, по какой цене принимать оныя в пошлинный при таможене сбор, полагая полновесный ефимок или талер в 1 руб. 40 коп.” [1, стб. 49, 50] (таблица 1). В этой связи возникает вопрос: какие же из европейских монет стали образцом для золотых и серебряных монет, чеканившихся по манифесту 20 января 1797 г.?

Европейский монетный рынок представлял всегда весьма пеструю картину, и даже Голландия, на протя-

жении XVII—XVIII вв. являвшаяся крупнейшим финансовым центром мира, первоначально не могла похвастаться совершенством монетной системы. В начале XVII в. риксдалеры, патагоны и дукатоны, завозившиеся из Южных Нидерландов, считались “порченой монетой”, но в 1641 г. были объявлены “хорошими банковскими деньгами”, а в 1659 г. выпущены аналогичные им голландские “серебряный рейтер” и “серебряный дукат”, что наряду с ужесточением контроля за чеканкой монет привело к улучшению и стабилизации денежной системы [2, с. 204, 205]. Однако с течением времени векселя, основанные на “банковских деньгах”, лишились своего металлического обеспечения, и 70-е, 90-е гг. XVIII в. ознаменовались рядом кризисов, сопровождавшихся падением авторитета Амстердамского банка и снижением вексельного курса [2, с. 209—212, 223—226].

На этом фоне разворачиваются финансовые реформы Павла I. Весовые характеристики русских червонцев 1796—1797 гг. вполне соответствуют голландскому дукату — лигатурный вес 3,47 г, проба 0,986 [26, р. 1121]. Нужно отметить, что “европеизация” коснулась и внешнего вида червонца 1797 г., затем 5-рублевика, рубля, полтины, полуполтинника и ефимка 1798 г. Их реверс явно имитирует реверс дуката — надпись в рамке, по периметру украшенной картушами, что, впрочем, было характерно и для монет этого типа некоторых итальянских государств, Женевы и Гамбурга, с той разницей, что на российских монетах вместо указания эмитента в рамке было помещено изречение из псалтыри.

Как уже упоминалось, ряд исследователей, вероятно, с подачи Ф. Гейтца, считали, что новый рубль чеканился в подражание прусскому албертусталеру Фридриха Вильгельма III (выпуск 1797 г.), который чеканился по стопе “альбертова талера”. Чеканка “альбертова талера”, или “патагона” (нем. Albertustaler, Kreuztaler, Patagon), началась в 1612 г. наместниками Испанских Нидерландов эрцгерцогом Альбертом Австрийским и его супругой Изабеллой Испанской, и со временем эта монета получила широкое распространение и способствовала развитию чеканки аналогичных монет в других странах.

К концу XVIII в. близкими по своим характеристикам к “патагону” были, в частности, риксдаальдер и серебряный дукат Нидерландов, чеканившиеся непродолжительное время специдалер Дании и альбертусталер Пруссии 1797 г. (таблица 2).

Однако в пику устоявшимся представлениям по содержанию серебра рубли 1796—1797 гг. ближе к европейским монетам, чеканившимся в соответствии с имперской монетной стопой Священной Римской Империи германской нации, например, к ряду талеров австрийских владений чеканки до 1751 г. Во второй половине XVIII в. эта стопа уходит в прошлое и монеты, соответствовавшие ей, чеканятся немногими странами, примером может служить талер (48 скилингов) Гамбурга (1761—1764).

Отметим, что по упоминавшемуся выше “Проекту банковской серебряной монеты” “достоинство” новой монеты должно было “отвечать голландскому талеру”, но приводимый здесь общий вес — “6²/₇ золотников” (29,25 г) — на 1,42 г выше, чем у голландского риксдаальдера. В манифесте 20 января 1797 г. “достоинство” рубля определяется в “пятьдесят штиверов с

Таблица 1

“Табель иностранным золотым и серебряным монетам, по какой цене принимать оныя в пошлинный при таможене сбор”

	Полновесных на фунт	Ценою принимать каждую полновесную монету	
		рубли	копейки
Золотые червонцы:			
Цесарские	117 ¹ / ₂	2	117 ¹ / ₂
Гамбургские	117 ¹ / ₂	2	79
Голландские	117 ¹ / ₂	2	79
Датские	117 ¹ / ₂	2	78
Шведские	117 ¹ / ₂	2	77
Кремницкие	117 ¹ / ₂	2	117 ¹ / ₂
Серебряные талеры:			
Имперские	14	1	40
Датские	14	1	40
Шведские	14	1	41
Голландские	14	1	39
Английские кроны	14	1	47 ³ / ₄
Гишпанские пиастры	14	1	44 ³ / ₄
Португальские крузады	14	1	43 ³ / ₄

Таблица 2

Сравнительная таблица веса и пробы европейских и российских монет

Монета	Годы чеканки	Лигатурный вес в граммах	Проба	Вес чистого серебра в граммах
Патагон, Испанские Нидерланды	1612–1706	28,1	0,875	24,39
Серебряный дукат (48 штюверов), Нидерланды	1701–1794	28,25	0,873	24,66
Риксдаальдер, Батавская республика (Нидерланды)	1795–1800	28,08	0,868	24,37
Кроненталер, Австрийские Нидерланды	1755–1798	29,44	0,873	25,70
Талер (имперская монетная стопа), Австрия	до 1751	28,82	0,875	25,24
Талер (рейнская монетная стопа), Австрия	с 1751	28,06	0,833	23,37
Альбертусталер, Пруссия	1797	28,06	0,868	24,36
Спецедалер (Альбертдалер), Дания	1781–1786, 1796	28,06	0,868	24,36
Талер (48 скилингов), Гамбург	1761–1764	29,2	0,888	25,93
Рубль, Россия	1762–1796	24,00	0,750	18,00
Рубль, Россия	1796–1797	29,25	0,868	25,39
Рубль, Россия	1798–1885	20,73	0,868	17,99

Примечание. Таблица составлена по данным каталогов: Standard Catalog of World Coins 1601–1700: 17th century / Colin R. Bruce, Tomas Michael [edited by] Randy Thern. — 4th ed. — Iola, WI: Krause Publications, 2008; Standard Catalog of World Coins 1701–1800: 18th century / Colin R. Bruce, II, senior editor; Thomas Michael, market analyst. — 5th ed. — Iola, WI: Krause Publications, 2010.

долями”. Голландский риксдаальдер номинально соответствовал 50 штюверам (штюверам), но разница с рублем (“доли”) опять-таки существенна — 1,02 г чистого серебра (2,295 доли).

По своим характеристикам рубль 1796—1797 гг. скорее соответствует кроненталеру Австрийских Нидерландов 1755—1798 гг. (таблица 2).

В ходе проведения “операции преобразования ассигнаций в монету” стало очевидно, что ревальвация рубля не приносит ожидаемых результатов. Нестабильность курса, неустойчивость цены на талеры и связанные с этим потери для казны заставили отказаться от выпуска тяжеловесной монеты. Уже 27 июля 1797 г.

А.Б. Куракин в письме государственному казначею Алексею Ивановичу Васильеву просит не присылать тяжеловесные рубли “доколе курс не придет в то положение, в котором быть ему должно” [14, л. 10].

К концу 1797 г. правительство Павла I осознало всю тяжесть кризиса, в котором пребывали русские финансы, и вынуждено было внести существенные коррективы в первоначальные планы. 3 октября 1797 г. выходит манифест “О пробе золотой и серебряной монеты; о продолжении делания медной монеты по 16 рублей из пуда и о запрещении мастерам делать серебряную посуду и вещи ниже 84-й пробы” [11, т. 24, № 18178]. По манифесту восстанавливался рубль с содержанием чистого серебра 18 г, но повышенной (83 1/3) пробы, вместо золотого червонца (проба 94 2/3, 3,44 г чистого золота) вводился 5-рублевик (полуимперил, проба 94 2/3, 6 г чистого золота).

Однако полного отказа от “операции преобразования ассигнаций” не последовало. По-прежнему продолжались подготовка ограниченного обмена золотой и серебряной монеты на ассигнации³ и развитие структуры учреждений, способных осуществлять управление государственными финансами и активно действовать на внутренних и внешних рынках, получая прибыль и погашая долги казны (Контора о покупке металлов, Эсcontная и Страховая конторы при Ассигнационном банке).

Не отказались и от планов выпуска монеты, предназначенной для сближения русской монетной системы с европейской. Новый проект представлял собой попытку объединить номинал, кратный рублю, и рыночную цену “ефимка”.

В Отделе рукописей РНБ сохранилась копия манифеста, который так и не был обнародован. Документ датируется 8 января 1798 г. и гласит: “Достигнув желанной нами для пользы верных наших подданных благоуспешности, в выпуске золотой и серебряной монеты из Государственного нашего ассигнационного банка с 1 числа генваря сего года начавшемся; по всегдашнему нашему попечению о распространении торговли в империи нашей, находим мы, что к доставлению лутчей еще удобства в употреблении сей монеты, полезно иметь монету ефимочную в пробе того самого достоинства, какого указом нашим октября 3-го дня 1797-го г., и серебряная монета утверждена. Для чего и повелеваем в монетном дворе при Государственном нашем ассигнационном банке на собственные его обороты устроенном из приобретаемого им металла бить серебряную ефимочную монету восемьдесят третьей с одной третью пробы, содержащую в ефимке внутреннего достоинства пятьдесят четыре три четверти штюверов с долями. А дабы соответствовала оная рублевой и прочей мелкой серебряной нового чекана монете назначаем каждому ефимку неременное хождение медными деньгами и банковыми ассигнациями во сто девяносто пять копеек или полтора рубли серебряными деньгами, а чтоб всем о том было известно, предлагается у сего таковому ефимку чертеж”⁴ [10, л. 517].

К документу прилагается “Изображение штемпелей серебряного ефимка” с рисунком и пояснениями:

³ Обмен начался с 1 января 1798 г. в С.-Петербурге, с 1 мая — в Москве и продолжался до 17 октября 1798 г.

⁴ Манифест впервые опубликован А.А. Богдановым [3, с. 73–87], однако автор анализирует документ вне контекста финансовых преобразований того времени.

“Туртик или поясок на подобие лаврового венка. По сим рисункам делать серебряной ефимок 83-й¹/₃ пробы, весом каждый в 7 золотников ²⁶/₉₆-х долей, или по тринадцати кружков с довесом на фунт”.

Как известно, существует 3 вида ефимков 1798 г. На двух из них присутствуют широкие выпуклые ободки с вдавленным шрифтом и выпуклым на заглабленных участках. Однако по манифесту 8 января 1798 г. [10, л. 517, 518] был утвержден вариант, по своему оформлению близкий к уже находившимся в обращении образцам крупной серебряной монеты и более простой в производстве.

Таким образом, выявленный документ подтверждает предположения П.П. Винклера и В.В. Узденикова о том, что ефимок 1798 г. должен был иметь полторарублевое достоинство [4, с. 36; 19, с. 363]. В манифесте нет и намека на использование новой монеты в международных расчетах, официально она предназначалась для обращения внутри страны (“попечение о распространении торговли в империи нашей”, установление курса, “непрерывного хождения” к медной, серебряной монете и ассигнациям). И все же трудно

оправдать существование такого номинала, иначе как предназначенного выполнять функцию связующего звена с монетными системами европейских стран, но до массовой чеканки ефимки дело так и не дошло. К августу 1798 г. провал “операции преобразования ассигнаций” становится очевидным. Князь А.Б. Куракин оказался в опале и 21 сентября был отстранен от службы [17, с. 426, 442]. Его преемники пришли к выводу, что “мелочной промен ни какого влияния не имеет на полагаемые предметы, а происходит единственно в корыстные руки мелких торгашей” [10, л. 579]. 17 октября 1798 г. “выпуск” золотой и серебряной монеты в обмен на ассигнации был остановлен [16, л. Зоб.]. Задуманная “операция” бесславно завершилась.

В заключение хочется отметить, что “банковская монета” 1796 г., тяжеловесная серебряная монета 1797 г. и ефимки 1798 г. стали интересным нумизматическим памятником попыток перехода к более рациональным методам ведения финансового хозяйства, построения финансовой администрации и модернизации монетного дела на рубеже XVIII—XIX вв.

Источники:

1. Архив Государственного Совета: в 4 т. — Санкт-Петербург: в тип. Второго отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1869—1888. — Т. 2. Совет в царствование императора Павла I (1796—1801 гг.). — 1888. — XIII с. + 882 стб. + 36 с.
2. Бааиш, Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв. / Э. Бааиш; пер. с нем. Н.М. Сегаль и О.К. Рыковской; под ред. проф. Я.Я. Зутиса. — Москва: Изд-во иностр. лит., 20-я тип. Союзполиграфпрома, 1949. — 395 с.
3. Богданов, А.А. Монетное дело Российской империи. Находки, исследования, гипотезы: очерки / А.А. Богданов; С.-Петерб. гос. ун-т, ист. фак. — Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2011. — 126 с.: ил.
4. Винклер, П.П. фон. Из истории монетного дела в России [Вып. 3]: Монетное дело при Павле I (1796—1801) / П.П. фон-Винклер. — Санкт-Петербург: тип. и хромолит. А. Траншель, 1898. — [2], 41 с.: ил.
5. Гейтц, Ф.Ф. Ефимки / Ф.Ф. Гейтц. — Москва: тип. Г. Лиснера и Д. Собоко, 1913. — 43 с.
6. Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты... / Вел. кн. Георгий Михайлович [Романов]. — Санкт-Петербург: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1888—1914. — [Вып. 3]: Монеты царствования императора Павла I: Монеты царствования императора Александра I. — 1890—1891. — [217] с. разд. паг., [4] л. фронт. (ил., портр.), [29] л. ил.
7. Зандер, Р. Серебряные рубли и ефимки романовской России, 1654—1915: Ист. обзор и заметки о характер. разновидности рублевых монет / Рандольф Зандер; [Пер. В.В. Биткина]. — Киев: Одигитрия, 1998. — 207 с.: ил.
8. Корецкий, В.Т. Банковский монетный двор // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 7. Памятники русского денежного обращения XVIII—XX вв. / [Отв. ред. Д.Б. Шелов]. — Москва: ГИМ, 1980. — С. 70—84 (Тр. Гос. ист. музея... Вып. 53).
9. Мельникова, А.С. Деньги в России: история русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. / А.С. Мельникова, В.В. Уздеников, И.С. Шиканова [Государственный исторический музей]. — Москва: Стрелец, 2000. — 221, [2] с.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. — Ф. 484. — Оп. 364а. — Д. 58.
11. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. В 45-и т. — Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 557. — Оп. 2. — Д. 91.
13. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 859.
14. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 860.
15. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 1290.
16. РГИА. — Ф. 584. — Оп. 1. — Д. 3007.
17. Сенатский архив: Именные указы императора Павла I. — Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1888. — 746+231 с.
18. Спасский, И.Г. Финансы. Денежное обращение / И.Г. Спасский, А.И. Юхт // Очерки русской культуры XVIII в.: в 4 т. / главный редактор Б.А. Рыбаков. — Москва: Издательство Московского университета, 1987. — Ч. 2. — 406 с.
19. Уздеников, В.В. Что такое ефимок 1798 г.? // В.В. Уздеников. Монеты России XVIII — начала XX в. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации: 3-е изд., испр. и доп. / В.В. Уздеников. — Москва: Круг коллекционеров, 2004. — 590 с.
20. Уздеников, В.В. Минцмейстер Осип Мейджер // В.В. Уздеников, Монеты России XVIII — начала XX в. Очерки по нумизматике. Факты, предположения, рекомендации: 3-е изд., испр. и доп. / В.В. Уздеников. — Москва: Круг коллекционеров, 2004. — 590 с.
21. Шишанов, В.А. К истории создания Банковского монетного двора / В.А. Шишанов // Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского. — Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. — С. 221—228.
22. Шишанов, В.А. Операция преобразования государственных ассигнаций в монету / В.А. Шишанов // Нумизматический альманах (Москва). — 1999. — № 1. — С. 2—11.
23. Шишанов, В.А. Особая экспедиция Ассигнационного банка по его хозяйственным оборотам (1797—1804 гг.) / В.А. Шишанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: С.М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2008. — С. 222—229.
24. Шодуар, С.И. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен: в 2-х ч. / соч. барона Станислава де Шодуара; пер. с фр. В.А. [настасевич]. — Санкт-Петербург: в Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1837—1841. — Ч. 1. — 1837. — [4], IV, 272, [4], 23 с., 81 л. ил., табл.
25. Юхт, А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I / А.И. Юхт. — Москва: Финансы и статистика, 1994. — 336 с.
26. Standard Catalog of World Coins 1701—1800: 18th century / Colin R. Bruce, II, senior editor; Thomas Michael, market analyst. — 5th ed. — Iola, WI: Krause Publications, 2010. — 1344 p.